

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 2

ЛЕТО
2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 37

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре»
(по мемуарам Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши). Предисловие, перевод с малайского,
примечания *Л.В. Горяевой* **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- И.Н. Медведская.* Дошли ли урарты до Каспийского моря? **19**
- Е.Н. Левченко-Шмаевская.* «Песни о камне со стопами Будды»: первые древнеяпонские тексты и формирование языкового сознания **40**
- О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова.* Первый перевод Корана на испанский и рукопись Т 235 **63**
- Хань Ли.* Изучение русского языка в цинском Китае **75**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов.* Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартелеми. Часть II **85**
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев, М.Г. Шехмагомедов.* Эпитафии кладбища уцмиев в Кала-Корейше **106**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- С.Е. Костиков, О.М. Ястребова.* Челобитные иранского купчины Хваджи Рахмата царю Михаилу Федоровичу (1613–1645) из Российского государственного архива древних актов **122**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е.В. Танонова.* Юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию Азиатского Музея — Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2018 г.) **146**
- Д.А. Носов.* Выставка «Кисть и калам: 200 лет коллекции Института восточных рукописей» в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, 27 ноября 2018 — 31 марта 2019) **151**
- А.Э. Терехов.* Выставка «Даосы на пути к бессмертию» в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург, 29 ноября 2018 г. — 5 марта 2019 г.) **154**

РЕЦЕНЗИИ

- И.А. Алимов.* Сад удивительного. Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 592 с.;
- И.А. Алимов.* Записки о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 840 с. (*Зельницкий А.Д.*) **157**
- Рукописи школы веданта в собраниях Института восточных рукописей РАН: аннотированный каталог / Составление, вступительные статьи, переводы и указ. С.Л. Бурмистрова; Ин-т восточных рукописей РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2018. — 479 с. (*Колесников А.С.*) **160**

На четвертой сторонке обложки:

Фрагмент рукописи «Новые законы Тангутского государства» из коллекции ИВР РАН (Шифр Танг 65/1)

Дошли ли урарты до Каспийского моря?

И.Н. Медведская

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S181180621902002X

В Иране в прикаспийской провинции Гилян найдены предметы урартского вооружения (колчан, шлем), браслет с именем урартского царя Аргишти, а также изделия закавказского происхождения (змееголовые браслеты, петельчатые фибулы, кольцевидные подвески), которые могут свидетельствовать об участии в VII в. до н.э. в составе урартской армии воинов из закавказских владений урартов. Важным доказательством того, что урарты дошли до юга Гиляна и, следовательно, приблизились к северным границам Мидийского царства, служит очередность завоеваний мидийских царей: не позднее 640-х годов Урартское царство стало их первым успешным завоеванием.

Ключевые слова: Иран, Гилян, Мидийское царство, урарты, фибулы, браслеты, шлемы, колчаны, подвески.

Статья поступила в редакцию 03.12.2018.

Медведская Инна Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (orinst@mail.ru).

© Медведская И.Н., 2019

Соперничество между Ассирией и Урарту выразилось в борьбе за господство в западных царствах, где сражение шло за торговые пути и сырьевые источники, и на востоке за гегемонию над раздробленными странами древнего Ирана. В Иране первоначально борьба шла за Приурмийский район (Рис. 1). В IX в. до н.э. здесь господствовала Ассирия. Уже Салманасар III (858–824) завоевал страну Гильзан на западном берегу Урмии. Однако завоевание это носило характер повторяющихся грабительских походов, эти территории не вошли в состав Ассирийского царства.

В IX в. началось быстрое возвышение Урартского царства, и в конце IX в. урарты, воспользовавшись временным ослаблением Ассирии, завоевали Приурмийский район (период совместного правления царей Ишпуини и Менуа). Характер освоения урартами новых земель отличается от ассирийского. За 100 лет урартского господства эти земли превратились в процветающий край: построено свыше 30 городов, проведены каналы, разведены сады. Все это ярко описал Саргон II в своем знаменитом письме богу Ашшуру, и что было все им уничтожено «в ярости сердца». Созданный урартами в VIII в. плацдарм был необходим им для дальнейшего продвижения в глубь Ирана. Аргишти I (786–764) и Сардури II (764–735) совершали походы к югу от Урмии вплоть до верховьев Диалы и Хорасанского пути в горах Загроса (Медведская 2018а: 137–138).

Но когда во 2-й половине VIII в. до н.э. Ассирия вновь была на подъеме военного и политического могущества, ассиро-урартское противостояние достигло максимальной остроты, кульминацией его стал поход Саргона II в 714 г. (Рис. 1). Ассирийцы, разрушив крепости и поселения на западном берегу Урмии и депортировав значительную часть населения, по существу уничтожили урартский плацдарм в этом районе, и это был самый важный результат ассирийского похода 714 г. Ассирийские цари больше не совершали сюда походов, следовательно, этот район в качестве урартского плацдарма уже не представлял для Ассирии опасности.

Что касается Урарту, то потеря приурмийских земель не привела к упадку страны, как первоначально считали исследователи. Урарты не оставили своих намерений завоевания стран древнего Ирана, но теперь они двигаются севернее озера Урмия в сторону Каспия, куда ассирийцы никогда не доходили. Продвижение урартов в этом направлении началось еще в правление Сардури II (760–730), о чем свидетельствует наскальная надпись недалеко от Секендела (Арутюнян 2001: 245). Но сын погибшего в 714 г. урартского царя Русы I Аргишти II (714–685) еще дальше продвинулся в восточном направлении, о чем говорится в трех наскальных надписях к югу и к северу от хребта Себелан (Арутюнян 2001: 409, Разлик; 410, Наштебан; Khanzaq et al. 2001: 31–32, Шише; рис. 1). В них сообщается о завоевании им нескольких стран, о возведении укреплений на скалах, есть фраза «дошел до реки, повернул обратно». Рек здесь много, а вот путей/дорог в горном регионе немного; освоенные в древности, они используются до сих пор. Одна дорога из современного Тебриза шла на юг, что давало возможность урартам проникнуть в «страну маннеев» и в Мидию. Другая караванная дорога через Тебриз шла на восток, затем, разветвляясь вдоль обеих сторон хребта Себелан, соединившись, приводила к Каспийскому морю в районе совр. Астары.

Ст. Далли подчеркивает заинтересованность как ассирийцев, так и урартов в торговле с населением прикаспийских земель, точнее в районе современной провинции Гилян¹, откуда могли поступать сурьма, ковры и древесина. Но она отмечает, что материалы Гиляна не обнаруживают следов культурных контактов с Ассирией (Dalley 2006: 175), и предполагает, что в VII в. гилянцы торговали именно с урартскими городами «в долине р. Аракс» (Кармир-блур) и главным товаром был строительный лес. Приморский район, по ее мнению, мог быть посредником в торговле с другими прикаспийскими странами, из которых могла поступать, в частности, строительная древесина (Ibid.: 177–179). Действительно, на юге провинции Гилян в верховье р. Сефидруд возле городов Рудбар и Менджиль произрастает кипарис — ценный строительный материал, тогда как севернее в талышских горах растут тис, бук, дуб, граб (Bazin 2001: 621). Саргон, уничтожая все на своем пути, сжигая дворцы, деревянные балки увозил с собой: «кипарисовые стволы, кровлю дворца его, я сорвал... забрал в Ассирию» (Дьяконов 1951: I. 218).

Но только ли о торговых связях с урартскими городами может идти речь? Не были ли эти «культурные контакты» результатом непосредственного продвижения урартской армии в сторону Каспийского моря и далее на юг? Закрепление урартов на этих землях в VII в. означало бы их контроль над немногочисленными путями в этом горном

¹ Официально провинция Гилян на севере граничит с провинцией Ардебиль и с республикой Азербайджан в районе г. Астара, но название Гилян часто относится только к равнине Сефидруд (от дельты р. Сефидруд на востоке до равнины Фоумен на западе) между Талышом на севере и Мазандараном на юго-востоке (Bazin 2001: 619; Fallahian 2018: 2, no. 1, 2).

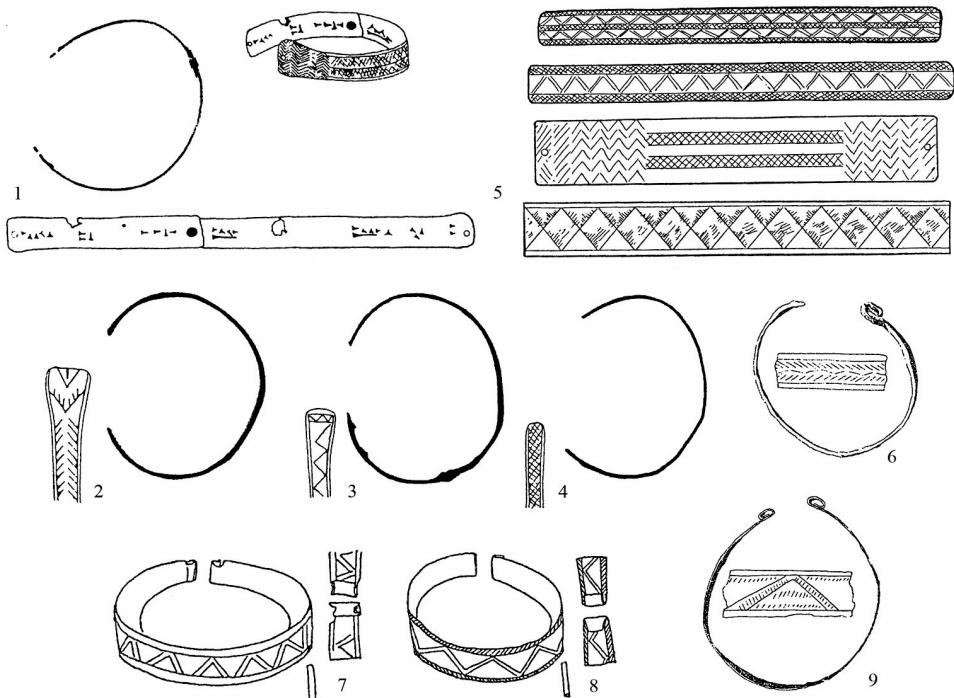

Рис. 2. Бронзовые пластинчатые браслеты: 1 — с именем Аргишти, могильник Тул-и Талыш (мог. 1). 2–4 — могильник Тул-и Талыш. 5 — Хурвин. 7–8 — Армения. 6, 9 — Артик

районе (они же караванные пути) и возможность военного наступления в южном направлении в сторону Мидии. Дошли ли урарты до Каспия? Для положительного ответа на этот вопрос данных пока немного.

Но, во-первых, сами надписи могут свидетельствовать о том, что они были сделаны на обратном пути армии Аргишти II: уже были возведены крепости, и, следовательно, земли к востоку и к югу от них находились под урартским контролем, слова «повернул обратно» тоже могут говорить об этом. Ассирийские победные надписи на стелах обычно воздвигались на обратном пути, что логично. Неудачный поход не стимулировал бы создание победных надписей.

Во-вторых, в Талыше в 1990-е годы в могильнике Тул-и Талыш/Тул-и Гилян (погр. 1) найден бронзовый разомкнутый пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом на внешней стороне и с фрагментами клинописной надписи на внутренней. В надписи читается имя Аргишти — «дар Аргишти», или как «дар сына Аргишти» (Khalatbari 2004a: 57; Razmjou 2004: 103–106; Vahdati 2007: fig. 2) (Рис. 2: 1)². Одни исследователи считают, что это имя Аргишти I (786–764, т.е. время господства урартов в Приурмийском районе в VIII в.), другие — имя Аргишти II (714–685). Браслет долго был в

² Село Тул-и Талыш (Тул-и Гилян) находится на западных склонах Талышских гор недалеко от границы с провинцией Ардебиль, административно эта территория принадлежит району Ха(е)штпа(е)р (прежде Талыш) в пров. Гилян (Piller 2010: 58). Видимо, по недоразумению этот могильник недавно был локализован в пров. Гилян на побережье Каспия в низовье р. Сефидруд (Dan et al. 2017: 198, fig. 1; Avetisyan et al. 2018, fig. 2).

употреблении, надпись на внутренней стороне стерта, он ломался и ремонтировался и т.д. Первоначально погребение датировалось VIII или VII в., позднее А. Вахдати предложил считать, что браслет относится к позднему подхоронению, и датировал его VI–V вв. (Vahdati 2007: 132–134). Но этот браслет первоначально мог быть посвященным даром армейских соратников Аргишти II, воевавшего здесь и оставившего неподалеку победные надписи. Дело в том, что пластинчатые браслеты не использовались урартами, у них обычно эти украшения делались из круглого в сечении прута, да и в целом пластинчатые браслеты в это время не были широко распространены. Подобные изделия с геометрическим орнаментом найдены в других могилах Тул-и Тальша и, по мнению К. Пиллера, вероятно, являются произведением местных мастеров, поскольку они не обнаружены в «урартском контексте» (Piller 2010: 66, fig. 4b; рис. 2: 2–4). В Марлике найдены один пластинчатый браслет с двумя горизонтальными валиками и два неорнаментированных браслета (могила Гешлаг, Negahban 1996: 24, 51, 169–170, pl. 83: 358–359).

В Хурвине также обнаружены пластинчатые браслеты с четырьмя разновидностями зигзагообразного орнамента (Vanden Berghe 1964: 29 — прорисовки орнамента на браслетах, 30, pl. XLII: 295–298; рис. 2: 5). Л. Ванден Берге датировал раскопанные им 14 погребений между 1300–900 гг., но основное время существования могильника относил примерно к 1100 г. до н.э. (Ibid.: 44–45). Но все пластинчатые браслеты происходят из коллекции Малеки, которая состоит из разнообразных предметов, найденных во время грабительских раскопок в этом районе. Анализ именно этих предметов посвящена значительная часть публикации материалов Хурвина. Верхняя дата определена Л. Ванден Берге согласно принятой в 1960-е годы датировке могильника Сиалк В, с материалом которого сравниваются хурвинские находки. Причем серо-глиняная керамика как из коллекции Малеки, так и из раскопанных погребений сопоставляется с материалом могильника Сиалк А, т.е. конец II тыс., а металлические изделия, в том числе браслеты, — с материалом могильника Сиалк В (Ibid.: 29–30). Дата последнего — не ранее второй половины VIII в. Таким образом, как и в Сиалке, материалы из Хурвина указывают на два периода существования могильника/могильников (в том числе разграбленных): первый период — ЖВ I (керамика в основном с признаками этого периода), второй — ЖВ II–III. И следовательно, появление браслетов с геометрическим орнаментом как в Гиляне, так и к югу от него относится к урартскому времени. Предположение К. Пиллера о местном производстве пластинчатых браслетов, на основании того, что они не использовались урартами (Piller 2010: 66), пока может быть отклонено на основании материалов Закавказья.

В восточном Закавказье в могильниках Вери и Джони (Ленкорань) были найдены пластинчатые браслеты с геометрическим орнаментом. Примечательно, что пластинчатые несомкнутые перстни из этих же могильников украшены таким же геометрическим орнаментом, как и браслеты из Хурвина и Тул-и Тальша (Morgan 1896: 85–86, fig. 88–89). В западном Закавказье — в Армении и Грузии — пластинчатые браслеты были относительно редким украшением, они имели горизонтальное рифление/валики и использовались еще в X–VIII вв. до н.э. (Лечхумский клад, Кармир-берд, Куфтин 1943, табл. XIV: 1–2, 4; Лелвар/Ахтала, Morgan 1889: 112, fig. 73; Есаян 1972: 76–77, табл. XIV: 9). Концом II — рубежом II/I тыс. и до VIII/VII вв. до н.э. датировались пластинчатые браслеты с геометрическим, в том числе зигзагообразным орнаментом (Хачатрян 1963: 70–71, табл. 4: 5–6; рис. 2: 6, 9; Есаян 1964: 86, рис. 2: 8, 9; Есаян,

Оганесян 1969: 113, 115; Садыхзаде 1971: табл. XXV: 4, Кызылванк/Нахичевань; рис. 2: 7–8). Браслеты с зигзагообразным орнаментом практически идентичны браслетам из могильника Тул-и Талыш (Piller 2010: fig. 4b — в центре; рис. 2: 3). Можно предположить, что появление пластинчатых браслетов с геометрическим орнаментом в могильнике Тул-и Талыш связано непосредственно с продвижением урартской армии, в составе которой были воины из закавказских владений урартов, в сторону Каспия. Хотя оно могло быть результатом и другого рода контактов. Но первое предположение подтверждается другими находками в этом регионе (см. ниже).

Странно, что надпись сделана на внутренней поверхности браслета из Тул-и Талыша, т.к. обычно посвятельные надписи наносились на видимую сторону предмета. Это может свидетельствовать о том, что надпись сделана не урартом, а его боевым сподвижником, который не знал подробностей урартского обряда посвящения богу и конкретных предметов, которые для этого предназначались. Поэтому неслучайно, что сама пластина, как отмечает иранский издатель браслета С. Размуджу, первоначально могла быть частью другого предмета, вероятно бронзовой чаши (Piller 2010: 62). Форма этой детали сосуда соответствовала пластинчатым браслетам, которыми пользовались на родине «сподвижника» в Закавказье. Но в любом случае имя Аргишти — это урартский след в прикаспийском районе, тем более, что в другой могиле этого же могильника найден бронзовый колчан урартского типа (м. 24).

Этот колчан украшен сгруппированными зигзагообразными (или зубчатыми) поясками, такая система орнамента характерна для урартских колчанов (Piller 2010: 67–68, pl. 13: 1–2; Кастеллучча, Дан 2016: 76–77, рис. 3: 1)³. Подобные колчаны найдены в урартских памятниках Топраккале, Алтынтепе, фрагмент такого колчана найден в гробнице Геговит возле оз. Севан, на колчане из Кармир-блуря имеется дарственная надпись Аргишти богу Халди, и в целом они датируются концом VIII — началом VII в. до н.э. (Пиотровский 1952: 50, табл. 16; Кастеллучча, Дан 2016: 76–77, 80–81, рис. 3: 2–3). В Прикаспии находки колчанов единичны, происходят из могильника Марлик в Гиляне и датируются не позднее начала I тыс. Они принципиально отличаются от урартских как формой, так и системой орнамента (Negahban 1996: 283–284, fig. 34: 870–873, pl. 128: 868, 869).

Кроме того, К. Пиллер приводит устное сообщение Ст. Кролла о находке, видимо, урартской керамики примерно в 25 км к югу от Наштебана (Бойни Ёгон, рис. 1: 1, Piller 2010: 56), где обнаружена одна из наскальных надписей Аргишти II. Но в целом Пиллер разделяет мнение урартолога М. Сальвини, что урарты никогда не видели Каспийского моря. И прежде всего потому, что горы Талыша, которые тянутся вдоль побережья Каспия, покрыты лесом и непроходимы для армии (Piller 2010: 70, note 3). Само по себе это утверждение спорное — если было надо, то проходили. Саргон, например, сообщает, что его солдаты прорубали кирками дорогу в горах, поросших лесом (Дьяконов 1951: 322, № 49: l. 24–25). Но вряд ли урарты планировали выходить через горы к пустынному морскому побережью в этом районе, поскольку одной из их задач было продвижение на юг в глубь Ирана, в сторону Мидии.

Материалы, найденные южнее, К. Пиллером не рассматривались. Однако южнее могильника Тул-и Талыш, где были найдены браслет с именем Аргишти и урартский колчан, в могильнике Мианруд (мог. 2) найден остроконечный шлем-шишак урартского

³ Опубликованы только фотографии этого колчана, которые трудно воспроизвести, см., например, Кастеллучча, Дан 2016: рис. 3: 1.

типа (Khalatbari 2004b: 80, 82–83, 101, ill. 18, fig. 72). Он отличается лишь диаметром основания шишака — у талышского он небольшой (Рис. 3), у урартских диаметр его основания больше. Но в общем это форма так называемого ассирийского шлема-шишака. Южнее на территории Мидии и Манны такие шлемы не использовались; судя по ассирийским рельефам, местные воины носили гребенчатые шлемы (Медведская 2013: 192–202). Очевидно, что появление этого шлема в Мианруде связано с урартами.

Итак, увидели ли урарты Каспийское море? Отчасти ответить на этот вопрос могут предметы, которые не привлекались в этой связи: петельчатые фибулы, змееголовые браслеты и кольцевидные подвески.

В древности существовало два вида застежек для мужской и женской одежды: булавки и фибулы. Первые представляли собой стержень с заостренным концом, верхний конец булавки иногда имел разного вида украшения; фибулы, конструктивно более сложные застежки, появились позднее булавок. Но заменили они булавки не сразу, в Марлике, например, они найдены вместе (погребение 36).

Выделяются два вида фибул: пружинные (spring, ressort) и петельчатые (hinged, tournante) (Рис. 4). У пружинной фибулы (одночленной, рис. 4: 10) в месте перехода дужки в тонкую иглу последняя закручивалась в один оборот (как у современных английских булавок), у фибулы с массивной дужкой тонкая игла с пружиной вставлялась в основание дужки, что требовало большего мастерства и затрат (двучленные, рис. 4: 1–7). Производство петельчатых фибул было проще: у них один конец разъемной иглы закручивался вокруг конца дужки, заостренный конец иглы укладывался в приемник (рис. 4: 11–18; 5).

Изучение обоих типов фибул показало, что их появление на территории Ирана и Месопотамии связано с различными регионами древнего мира (Погребова 1984: 154–157, там же литература). Появление здесь *пружинных фибул* связано с влиянием западных образцов, главным образом сиро-палестинских и средиземноморских/кипрских (рис. 4: 1–7). В Иране (Луристан) пружинные двучленные фибулы появились, очевидно, через посредство Ассирии не ранее конца VIII, в основном в VII–VI вв. до н.э. Все эти фибулы с треугольной дужкой почти стандартны, одночленные пружинные фибулы в Иране не использовались⁴. Севернее Ирана в Центральном и на Северном Кавказе пружинные одночленные фибулы существовали уже с XI в. (Тлийский, Кобанский и другие могильники XI–X вв. до н.э.; Техов 1974: 142–147). Их относят к субмикенскому типу, образцы которого были получены также из Средиземно-

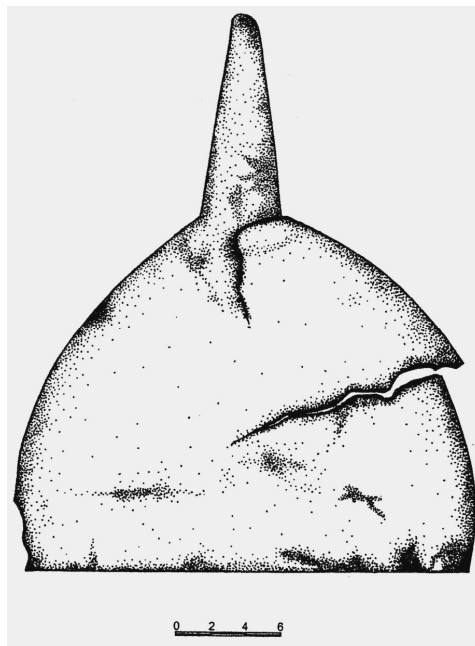

Рис. 3. Шлем: могильник Мианруд (мог. 2)

⁴ В могильнике Галекути (погр. 5) из пяти фибул четыре — петельчатые, одна — пружинная и, судя по количеству завитков, вероятно, двучленная (Sono, Fukai 1968: pl. LXXXV: 9–13).

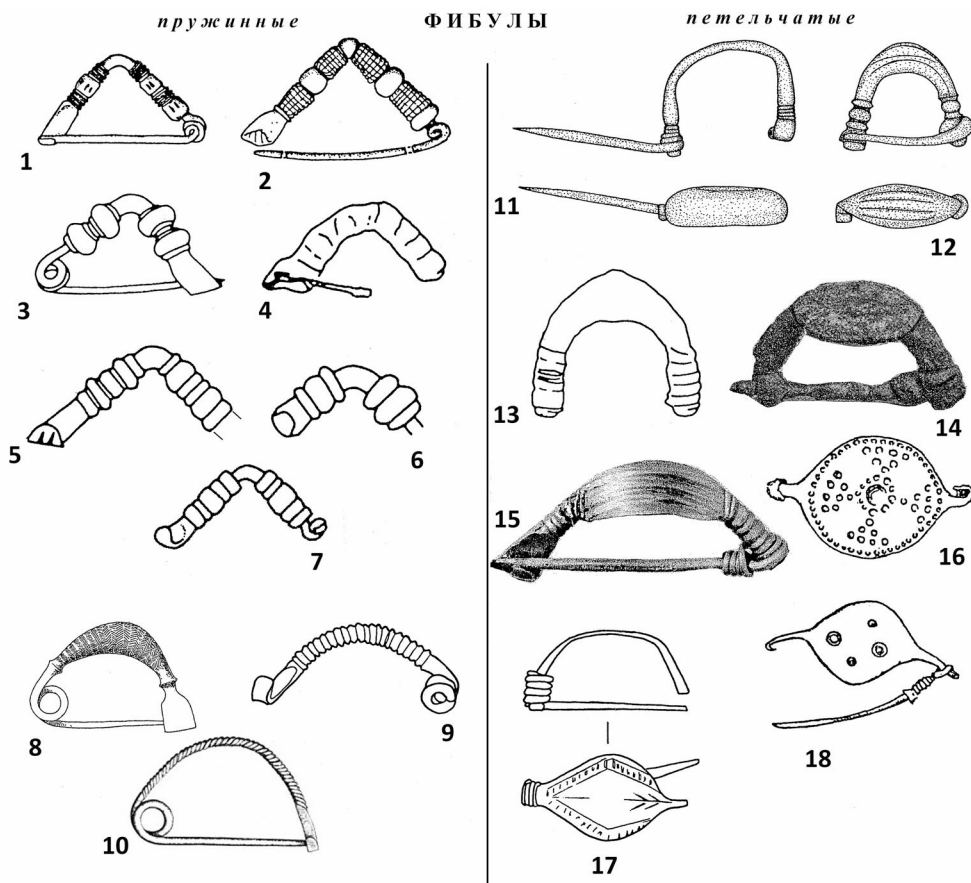

Рис. 4. Фибулы пружинные и петельчатые: 1–2. Нуш-и Джан III. 3. Хасанлу тепе II. 4. Баба-Джан тепе II. 5–6. Годин тепе II. 7. Зендан-и Сулейман. 8. Сев. Кавказ, Кобан. 9. Галекути I (мог. 5). 10. Ошакан (мог. 62). 11–12. Бастам. 13–14. Хасанлу III. 15. Зивие. 16, 18. Амлаш (Томаджан, мог. 14). 17. Галекути I (мог. 9)

морского региона, но через южную Европу (Козенкова 2013: 59–62, рис. 28–29). Они имеют тонкую «полуциркульную» дужку (рис. 4: 10), иногда украшенную резным орнаментом, у некоторых фибул с более массивной дужкой при отливке игла делалась тонкой, что облегчало закрутку проволоки в пружину (рис. 4: 8). Постепенно они проникают на юг (могильник Куланурхва, Трапш 1962: 66–67, табл. XXXIII), такие фибулы («кобанского» типа) найдены в могильнике Ошакан (Есяян, Калантарян 1988: табл. LXV: 1, погр. 62; рис. 4: 10), который датируется не позднее VIII в., и в других могильниках Армении (Шейтан-гаг, Morgan 1889: 117, fig. 85).

На Ближний Восток дуговидные одночленные фибулы, по данным Д. Стронаха, проникли уже в XII в. до н.э., но только в Палестинский регион (Stronach 1959: 186, fig. 2: 1–2). Восточнее, в частности в Ассирии, они не обнаружены. В Нимруде (VII в. до н.э.) найдена дуговидная пружинная фибула, но двучленная (Ibid., fig. 2: 3). Ю.Н. Воронов ошибочно назвал нимрудской одночленную фибулу из Аммана (Воронов 1983: 29, прим. 9, рис. 2: 5).

Ю.Н. Воронов, учитывая данные Д. Стронаха, считал, что на Ближнем Востоке распространился из Греции так называемый «островной» тип фибул (тип II по его классификации), этот тип существовал с конца II тыс. до начала VII в. до н.э. Но при этом он подчеркивал «наибольшее» сходство урартских фибул с кавказскими, которые встречаются здесь только в конце VII — VI в. до н.э. Проникновение двучленных фибул (тип II по Воронову) «документируется» только через Малую Азию и Урарту (Воронов 1983: 30, 32, рис. 2: 5–7, 8–7). Хотя одновременно он указывал, что кавказские экземпляры близки балканским фибулам IX–VIII вв. (Там же; рис. 2: 12, 8, 17). Другими словами, как и одночленные фибулы (тип I по Воронову)⁵ кавказские фибулы связаны своим происхождением через Южную Европу с Италией и Грецией, а ближневосточные пружинные фибулы независимо от Кавказа — с теми же типами средиземноморских фибул. В Иране пружинные фибулы только двучленные, и, следовательно, связь с кавказским регионом по этой линии исключается. В Восточном Закавказье (Восточный Азербайджан) в это время фибулы не обнаружены.

В Иране пружинные фибулы обнаружены в основном в западных памятниках (рис. 4: 1–7), на востоке, в Гиляне, единичные находки (Галекути I, мог. 5; рис. 4: 9; Марлик, мог. 36, Negahban 1996: 183, pl. 93: 448). Появление пружинных фибул в Иране обычно относят к VIII в. до н.э., скорее к его концу (Muscarella 1984: 415). Следует, однако, подчеркнуть, что в памятниках, датировка которых включает вторую половину — конец VIII в. до н.э., фибулы не обнаружены (Динха II, Сиалк В, Баба Джан III, Нуш-и Джан тепе, где фибулы найдены в скваттерском слое VII в., Хасанлу IVB — город погиб в 714 г., а до этого он входил в состав Урартского царства). В ахеменидский период пружинные фибулы найдены и в более южных районах: Сузы, Персеполь, Пасаргады (Curtis 1984: 29–30).

Распространение *петельчатых фибул*, по мнению исследователей, происходило из Южнокавказского региона. Импорт из этого региона считаются единичные находки петельчатых фибул в памятниках Малой Азии (Гордион, Богазкёй, Muscarella 1965: 234; Погребова 1984: 155–156), но сведения о них неточные, публикации отсутствуют, там преобладали пружинные фибулы фригийского типа. Предполагается, что посредником в распространении петельчатых фибул в страны к югу от Кавказа было Урарту (Muscarella 1965: 235). Но поскольку находки петельчатых фибул сосредоточены в основном на территории Армении, где они датируются VIII–VII вв. и даже ранее, то именно эту территорию следует считать не посредником, а очагом производства петельчатых фибул и их дальнейшего распространения в основном на восток на территорию древнего Ирана (Бастам, Зивие, Прикаспий). Но особый интерес в связи с поставленным вопросом представляет лишь один тип этих фибул, который обнаружен только в прикаспийском районе (см. ниже).

Петельчатые фибулы представляют собой упрощенную конструкцию фибулы (рис. 4: 11–18; 5) и, по-видимому, являются местным изобретением жителей Присеванского района Южного Закавказья еще до того, как он был завоеван урартами в царствование Аргишти I (784–760). Примечательно, что в VIII в. местная культура этого района еще не испытывала влияния урартской/ванской культуры, что сказалось только в VII в. В VIII в., например, ванская керамика хотя и стала использоваться местным населением, но типы местной керамики еще не претерпели изменений, что отмечается

⁵ Он не использовал термин «пружинные» фибулы и не различал одночленные и двучленные фибулы, называя последние «урартскими».

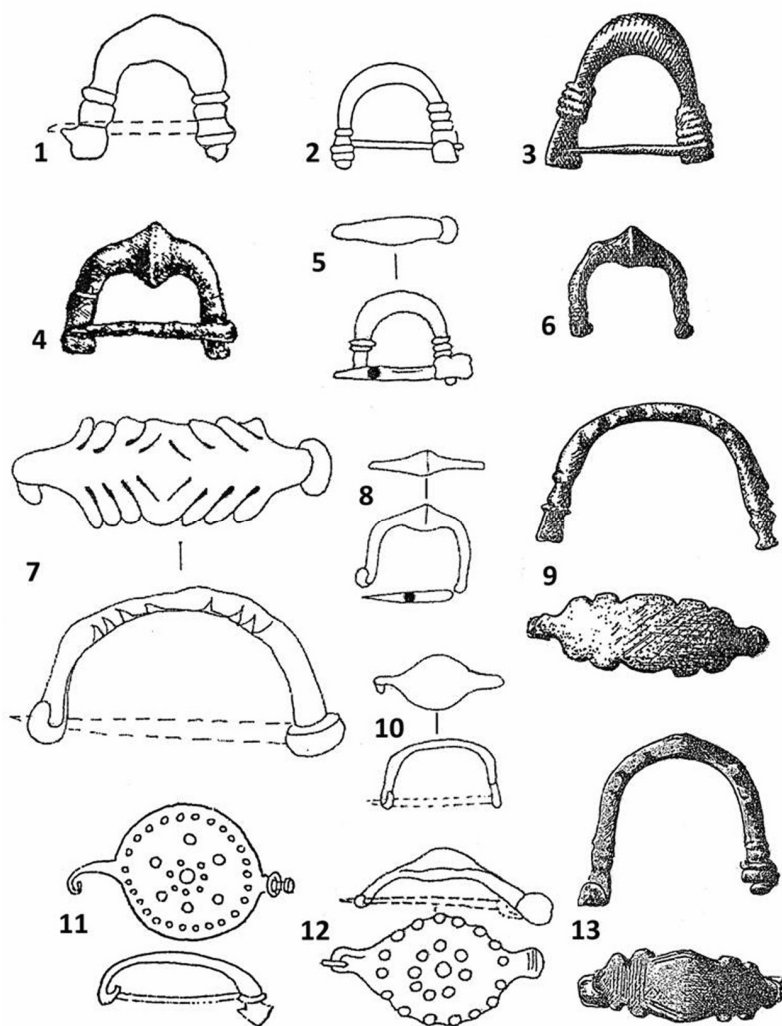

Рис. 5. Петельчатые фибулы Закавказья: 1–2. Ошакан (мог. 91, 46).
3, 6, 9, 13. Кармир-блур. 4. Нор-Армавир. 5, 7. Хачахбюр, мог. 23. 8, 10. Хачахбюр, мог. 28.
11. Макарашен. 12. Хачахбюр, мог. 22

в инвентаре могильных комплексов VII в. до н.э. (Есяян, Калантарян 1988: 80–81; Avetisyan, Bobokhyan 2012: 373, 378; Медведская 2018б: 198–200). В свою очередь, урарты могли позаимствовать местную форму петельчатых фибул, и уже в VII в. эти фибулы вместе с воинами в составе урартской армии стали распространяться как на запад, так и на восток. Но в целом эта форма фибулы, в отличие от пружинных, не получила столь широкого распространения. На восток в Прикаспийский район попал лишь один тип петельчатых фибул с плоским щитком, который не обнаружен на западе (см. ниже).

В Армении найдены петельчатые фибулы разных типов (Рис. 5): 1) в Нор-Армавире (Tiratsyan 2010: 135, fig. 11a); 2) в Хачахбюре (мог. 22, 23, 28; Yengibarin 2002: 418–425,

pl. III: 22; VIII: 3–8, 10; XVIII: 11–19; 3) в Ошакане (мог. 25, 46, 91, 101; Есаян, Калантарян 1988: 73, 82, 95, табл. LIV: 24–25; LXIX: 5; XCIII: 5; CVI: 6); 4) в Макарашене (Мартиросян 1964: 289, табл. XXX: 17); 5) в Кармир-блуре (Пиотровский 1950: 42, рис. 23; Пиотровский 1952: 36, рис. 18), на севере Армении (Мусиери, Шейтан-таг; Morgan 1889: 117–118, fig. 86–89). Некоторые петельчатые фибулы из раскопок Ж. де Моргана аналогичны кармир-блурским экземплярам (*Ibid.*: fig. 88, 86-1b; рис. 5: 3, 9, 13).

В Нор-Армавире фибула найдена в кувшинном захоронении VIII–VII вв., дужка фибулы с обеих сторон в центре имеет вертикальный выступ, схожий с подобной деталью на одной из фибул из Кармир-блур (Tiratsyan 2010: fig. 11, a; Пиотровский 1952: 36, рис. 18, слева; рис. 5: 4, 6)⁶.

В Хачахбюре из 23 найденных фибул некоторые также отличаются таким расширением в центре дужки (Yengibaryan 2002: pl. VIII: 3; XVIII: 12–13), другие фибулы имеют широкую фигурную площадку, подобную фибулам из Кармир-блур и Шейтан-тага; фибула этого типа найдена в Дванском могильнике (Карельский район Грузии, западнее Тбилиси), датированном второй четвертью I тыс. — рубежом VII–VI вв., т.е. в пределах 750–600 гг. (*Ibid.*: pl. VIII: 7, 8; XVIII: 15; Пиотровский 1950: рис. 23; Пиотровский 1952: рис. 18, в центре; Макалатия 1949: 236, 239–240, рис. 7; рис. 5: 7, 9, 13). Многие фибулы из Хачахбюра имели железную булавку, а две из них полностью сделаны из железа (Yengibaryan 2002: pl. XVIII: 14, 17). Все пять могил раннего периода датируются автором VIII–VI вв. (*Ibid.*: 417). В одной из могил вместе с петельчатой фибулой найдено навершие биметаллического кинжала «приванского» типа, который широко использовался в регионе после XII в. вплоть до VII в. (*Ibid.*: 418, pl. II: 9). Об относительно ранней дате фибул в этих могилах может свидетельствовать именно наличие железных фибул. Железо, пока оно было дорогим и престижным металлом, использовалось в том числе и для украшений, позднее, с начала широкого использования железа для производства оружия и орудий труда, железные украшения перестали быть престижными изделиями.

Фибулы из могильника Ошакан имеют ровную дужку или небольшой выступ в ее центре по типу фибул из Хачахбюра и Хасанлу III (мог. 25, 91; Есаян, Калантарян 1988: табл. LIV; 25, XCIII: 5; рис. 5: 1, 2). Погребение 25 авторы датировали постурартским временем — VI в. до н.э., несмотря на наличие в погребении керамики «урартского происхождения». Погребения 46, 91, 101 отнесены к эпохе раннего железа, хотя авторы и отмечают, что фибулы являются редкостью в эту эпоху и были распространены в VII–VI вв. (там же: 82, 95), но даты этих могил не пересматривались, и, следовательно, они относятся к IX–VIII вв. (Там же: 102–103).

На Северном Кавказе петельчатыми фибулами не пользовались, там получили распространение, как отмечено выше, пружинные одночленные фибулы субмикенского типа.

Петельчатые фибулы, кроме Закавказья, определенно найдены только в Иране (Хасанлу III, Muscarella 1965: pl. 27, fig. 2; *idem.* 1966: fig. 36, мог. 3; Бастам, 2-я пол. VII — начало VI в. до н.э.; Kroll 1988: 163, abb. 6); в Курдистане (Зивие, Muscarella 1965: pl. 28, fig. 3, 2-я пол. VII — начало VI в. до н.э.; рис. 4: 11–15), но больше всего их в Гиляне (Томаджан, мог. 14, Samadi 1959: 192, fig. 24, с, n; Галекути I мог. 5, 9, Vanden Berghe 1978: 68–69, fig. 11: 14–18, 19; рис. 4: 16–18).

⁶ Датировка автора вызвала возражение Д. Странаха и Ст. Кролла (Tiratsyan 2010: 135, note 2; Kroll 2014: 205), которые относят его к постурартскому времени, однако Н. Тирациян привел убедительные данные в пользу своей датировки (*Ibid.*).

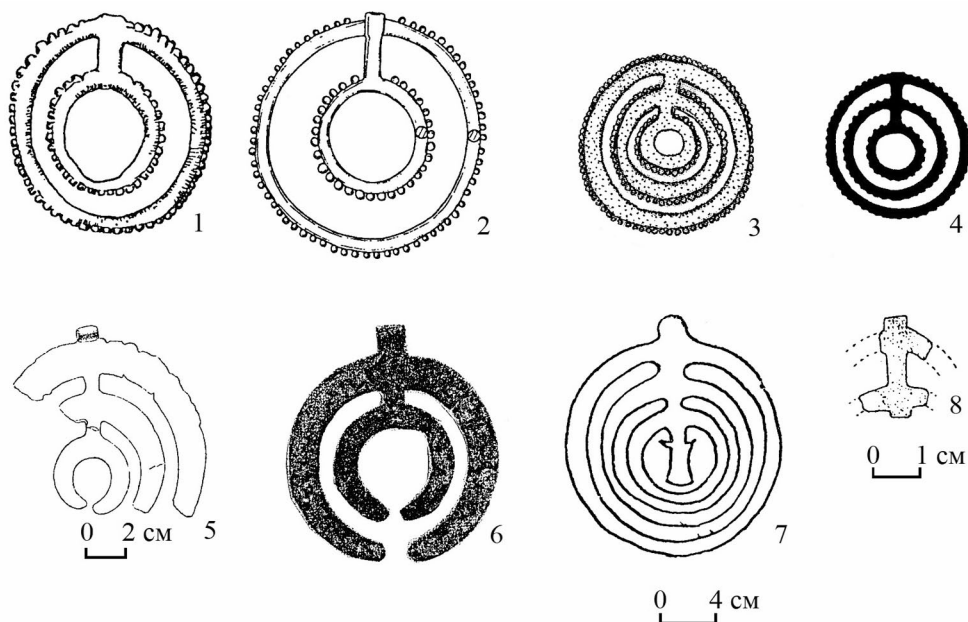

Рис. 6. Бронзовые подвески: 1–4. Гилян: 1. Томаджан (мог. 14). 2. Галекути (мог. С-I). 3. Васке (мог. 3). 4. Рудбар. 5–8. Закавказье: 5. Вардакар. 6. Мингечаур. 7. Толорс. 8. Тандзавер (мог. 39)

Особое значение приобретает редкий тип петельчатых фибул с плоским округлым или чуть ромбовидным щитком на дужке, который украшен штампованными кружками, в Иране они найдены только в Гиляне: в прибрежном районе Амлаш (Эмлеш) в могильнике Томаджан (мог. 14, рис. 4: 16, 18), одна такая фибула хранится в музее Университета в Тегеране; в гилянском районе Дейламан немного южнее Томаджана в могильнике Галекути I (мог. 5, 9) найдены похожие фибулы, у которых щиток имеет ромбовидную форму (рис. 4: 17, мог. 9). У подобной фибулы из Хасанлу III (мог. 3) из-за коррозии не виден орнамент (Muscarella 1965: fig. 37, pl. 57: fig. 4) (рис. 4: 14). Близкой аналогией гилянским фибулам являются фибулы, обнаруженные только в памятниках Армении: в могилах Хачахбюра (погр. 22) и Макарашена (рис. 5: 10–12); все они датируются более ранним временем, чем в Гиляне. Именно эти фибулы могут фиксировать проникновение в район Гиляна урартской армии, солдаты которой были захоронены вблизи побережья Каспийского моря. Вероятнее всего, это были солдаты из Присеванского района Армении, бывшие в составе урартской армии, и именно им мог первоначально принадлежать и странный браслет с именем Аргишти.

Показательно, что в могильнике Томаджан (погр. 14) вместе с описанными выше фибулами найдена *кольцевидная подвеска*, или «соляренный диск» (Samadi 1959: 192, fig. 24d) (Рис. 6: 1). В Гиляне многочисленные подвески этого типа состоят из двух или трех колец (Dan et al. 2017: fig. 2; рис. 6: 1–4). Предполагается, что их появление в Гиляне стало результатом интенсивных культурных связей между Южным Закавказьем (главным образом с территорией Армении) и Гиляном. В Присеванском регионе эти подвески появились раньше гилянских и служили оберегами для воинов — на

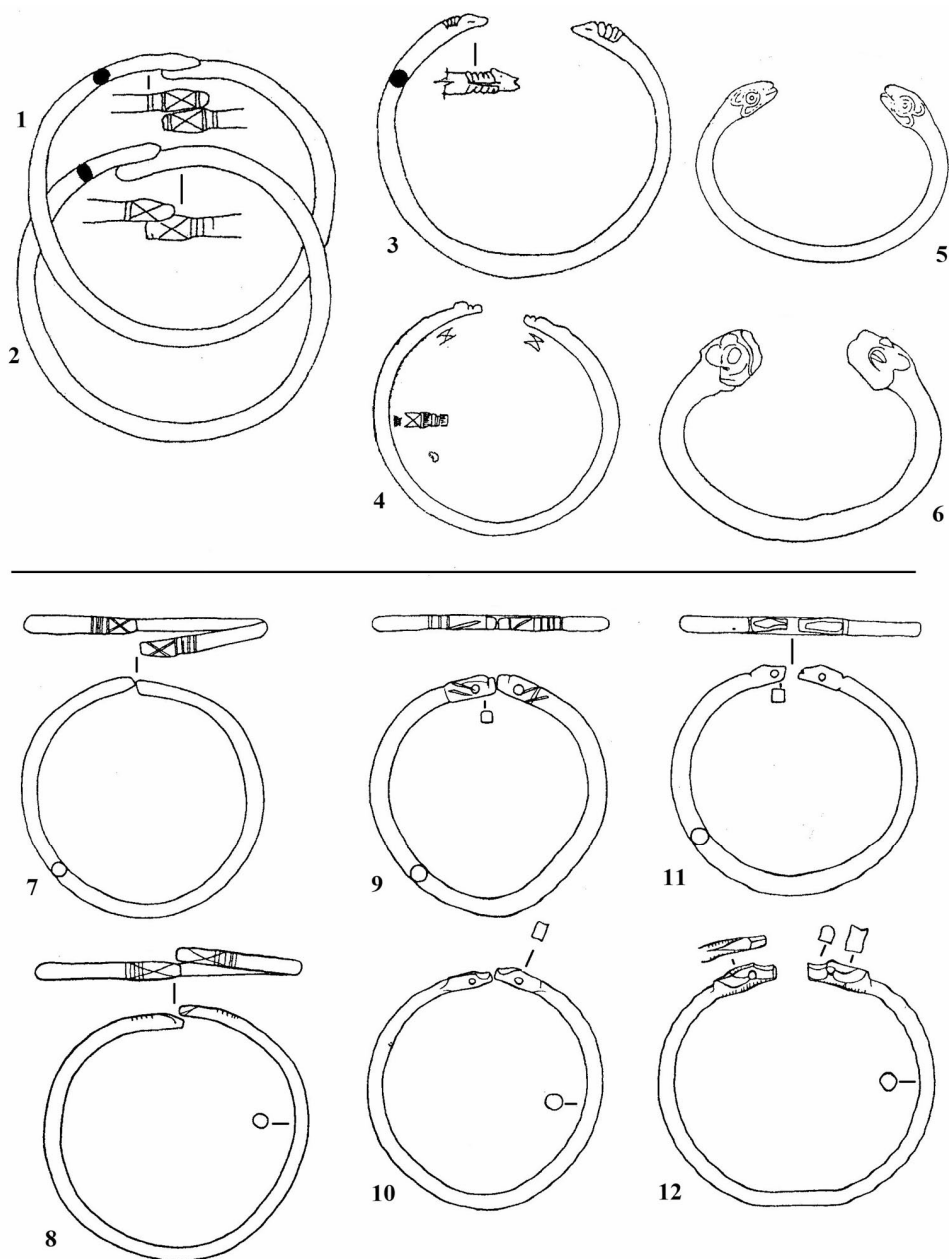

Рис. 7. Бронзовые змееголовые браслеты: 1–3. Хачахбюр (мог. 22, 28). 4. Макарашен; 5–6. Ошакан (мог. 46, 91). 7–12. Галекути I (мог. 5)

некоторых из них в центре имеется изображение топора, и найдены они в мужских захоронениях (Ibid.: 200–202, fig. 3). Такие подвески являются астральными символами и на территории Армении найдены только в мужских захоронениях местной элиты, подвески датируются IX/VIII–VII/VI вв. (Avetisyan et al. 2018: 50–51). Иссле-

дователи считают, что гилянские подвески являются подражанием закавказским образцам в результате культурных контактов, но они отличаются некоторыми деталями: отсутствием топора в центре подвески и наличием зерни по краям колец (Ibid.: 200–201, fig. 3), которая, в свою очередь, отсутствует на закавказских экземплярах. Но было ли это только подражание? Закавказские подвески не имели стандартной формы: они различаются количеством колец — обычно три, реже два, наличием или отсутствием топорика (Ibid.: fig. 3; Мартиросян 1964: табл. XVI: 2, вардакарская подвеска; Тандзавер, погр. 39, Xnkikyan 2002: pl. LXXXVII: 40⁷; рис. 6: 5–8). Мингечаурская подвеска, на которую ссылаются авторы (Dan et al. 2017: 201; рис. 6: 6), состоит из двух разомкнутых колец (лунница) без топорика, аналогичная подвеска, но с топориком в центре происходит из Нагорного Карабаха (Арчадзор, Садыхзаде 1971: табл. XI: 5). Найденные в Гиляне в мужских захоронениях вместе с предметами вооружения, они могут свидетельствовать об их принадлежности закавказским воинам в составе урартской армии в период завоевательных походов урартов. Можно предположить, что урарты, завоевав территорию современной Армении, быстро включились в действующую сеть связей, созданную местным населением еще до прихода урартов, и установили господство над уже существовавшими торговыми путями. Это господство укрепилось и расширилось в VII в., когда урарты, потеряв приурмийские владения, стали продвигаться в сторону Каспия и затем на юг в страны древнего Ирана.

Не менее показательны в связи с рассматриваемым вопросом незамкнутые *браслеты со змееголовыми окончаниями* (Рис. 7). Хотя браслеты с зооморфными окончаниями использовались повсеместно на территории Передней Азии, изображения змей первоначально связаны только с Присеванским районом, а затем с Прикаспием. Считается, что культ змеи существовал в Закавказье именно на территории Армении (Мартиросян 1954: 81; Есаян 1964: 94), и, судя по материалам Хачахбюра, Макарашена и Ошакана, еще в доурартское время.

В Армении из пяти погребений Хачахбюра подобные браслеты найдены в трех из них (Yengibaryan 2002: pl. II: 3–4, VII: 5–6, XVII: 6, 9(?), мог. 22, 23, 28; рис. 7: 1–3). Изображения головы змеи схематизированы, и она не превышает размер диаметра стержня браслета⁸. Инвентарь всех трех могил сочетает еще признаки местной присеванской культуры с урартским «импортом», что было возможно только в VIII в., позднее в VII в. уже сказало влияние урартской культуры на изделиях местного населения, прежде всего в керамике. Но в мог. 22, 23, 28 керамика еще местная — чернолощенная, с использованием витой ручки, головок быков на кувшине (Ibid.: pl. XIX: 2, XX: 6). В ней уже обнаружен урартский «импорт» — красноангобированный аск и лампы-плошки без перегородок (мог. 23, Ibid.: pl. XII: 1, 2, 6). В одной из трех могил вместе с этими браслетами найдены петельчатые фибулы с округлым щитком местного производства (мог. 22); в макарашенском погребении такие браслеты также найдены вместе с фибулами описанного типа (рис. 5: 11, 12; 7: 4).

⁷ Автором не дано описания фрагментированной подвески, но, судя по рисунку, нижний ровный край связующего стержня не предполагает соединения с третьим несохранившимся кольцом или с топориком (рис. 6: 8).

⁸ Но позднее, ближе к ахеменидскому времени изображение змеиной головы становится более реалистичным, а объем головы — больше диаметра стержня браслета. Подобные браслеты, но с небольшим прогибом в центре, становятся обычными в Армении с VI в. и существуют до начала «христианской эры» (Ibid.: 418).

О местном изготовлении как змееголовых браслетов, так и петельчатых фибул свидетельствуют их находки в могильнике Ошакан. Здесь в погребениях 46 и 91, которые датируются IX–VIII вв. до н.э. (период раннежелезного века), найдены такие браслеты и фибулы (Есаян, Калантарян 1988: 84, 92, 95, 97, табл. LXIX: 1–3, 5, ХСIII: 3, 5; рис. 5: 1–2; 7: 5–6). Вместе с ними найдена доурартская чернолощенная керамика (Там же: 99). Но уже в VII в. эти изделия местных мастеров стали использовать урарты, и они затем распространялись последними или воинами из местного населения в составе урартской армии, но не повсеместно. Называть эти браслеты «урартскими» на том основании, что их немногочисленные находки обнаружены на территории «Урартской империи» и не использовались в Ассирии, как предположила Максвелл-Хислоп (Maxwell-Hyslop 1971: 295), нет оснований, как показано выше. Вместе змееголовые браслеты, кольцевидные подвески и петельчатые фибулы обнаружены только в Гиляне, в прибрежном районе Амлаш (могильник Томаджан), хотя такие браслеты найдены вместе с петельчатыми фибулами (Тул-и Талыш), а чуть севернее в могильнике Мианруд — вместе с урартским шлемом (мог. 2). В Гиляне змееголовые браслеты, по словам Самади, «встречаются очень часто» (Samadi 1959: 188, fig. 25: e). В конечном счете неважно, в каком статусе проникали в Гилян урарты и их сподвижники — закавказские воины в составе урартской армии, торговцы и др. Но это были как урарты, так и носители присеванской культуры. А в целом это был результат продвижения в VII в. до н.э. урартских царей в глубь Ирана к северным границам Мидии. Не все гилянские находки должны датироваться урартским временем (VII в.); они могли быть захоронены позднее с потомками тех, кто принес сюда эти изделия.

Итак, урартам удалось дойти до Каспия в районе Гиляна, но сумели ли они здесь закрепиться, создав новый плацдарм? Ведь уже началось возвышение недавно образованного Мидийского царства. Урартское царство стало первым завоеванием мидийских царей потому, что продвижение урартов на юг в сторону Мидии и вероятность создания ими плацдарма в тылу Мидийского царства не могли не беспокоить мидийских царей. В конце 640-х годов для них сложилась благоприятная ситуация: в Урартском царстве в конце 650-х годов начался внутривосточный кризис, который привел к гражданской войне и распаду царства в конце 640-х годов. Это облегчило мидийцам завоевание урартских владений. Ассирия же с конца 650-х годов не представляла большой опасности для Мидии — тогда начались противостояние Вавилонии и Ассирии, затем гражданская война в самой Ассирии и ее распад на два царства около 629 г. (Медведская 2018a: 178–179). Другими словами, с завоеванием Ассирии можно было подождать, и нужно было найти союзника для борьбы с ней. Урартское царство стало первым в череде побед Мидийского царства. Сам факт такой очередности может служить важным аргументом *pro* — урартские цари приблизились к северным пределам Мидии, урарты дошли до Гиляна в районе р. Сефидруд и не могли не увидеть Каспийское море!

Источники иллюстраций

Рис. 1. Медведская 2018: Карта-схема 4, с. 165 (дополненная).

Рис. 2. 1–4: Piller 2010: fig. 4a, b; 5: Vanden Berghe 1964: 29; 6, 9: Хачатрян 1963: табл. 4: 6, 5; 7–8: Есаян 1964, табл. 2: 8, 9.

Рис. 3. Khalatbari 2004b: 80, 82, ill. 18.

- Рис. 4. **1–2:** Curtis 1984: fig. 5: 271, 272; **3:** Vanden Berghe 1978: fig. 11: 8; **4:** *ibid.*: fig. 11: 2; **5–6:** *ibid.*: 5–6; **7:** *ibid.*: fig. 1. 11:11; **8:** Muscarella 1965: pl. 58, fig. 8: 19; **9:** Somo, Fukai 1968: pl. LXXXV: 9; **10:** Есаян, Калантарян 1988: табл. LXV: 1; **11–12:** Kroll 1988: Abb. 6; **13:** Vanden Berghe 1978: fig. 11: 10; **14:** Muscarella 1965: fig. 37; **15:** *ibid.*: fig. 3; **16, 18:** Samadi 1959: fig. 24, c, n; **17:** Vanden Berghe 1978: fig. 11: 19.
- Рис. 5. **1–2:** Есаян, Калантарян 1988: табл. XCIII: 5, pl. LXIX: 3; **3, 6, 9:** Пиотровский 1952: рис. 18; **13:** Пиотровский 1950: рис. 23; **4:** Tiratsyan 2010: fig. 11 a; **5, 7:** Yengibaryan 2002: pl. VIII: 4, 8; **8, 10:** *ibid.*: pl. XVIII: 13, 16; **11:** Мартиросян 1964: табл. XXX: 17; **12:** Yengibaryan 2002: pl. III: 22.
- Рис. 6. **1:** Samadi 1959: fig. 24d; **2:** Egami et al. 1965: pl. LXXIV: 20; **3:** Khalatbari 2004b: ill. 6: 3; **4:** Dan et al. 2017: fig. 2H; **5, 7:** Мартиросян 1964: табл. XVI: 2, XIV: 7; **6:** Асланов и др. 1959: табл. XIX: 31; **8:** Xnkikyan 2002: pl. LXXXVII: 40.
- Рис. 7. **1–3:** Yengibaryan 2002: pl. II, XVII; **4:** Мартиросян 1964: табл. XXX: 13; **5–6:** Есаян, Калантарян 1988: табл. LXIX: 2, XCIII: 3; **7–12:** Sono, Fukai 1968: tabl. LXXXIV: 9, 1, 2, 10, 5, 6.

Литература

- Арутюнян 2001 — *Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Асланов и др. 1959 — *Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959.
- Воронов 1983 — *Воронов Ю.Н.* Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи // Краткие сообщения Института археологии. 1983. Вып. 176. С. 29–33.
- Дьяконов 1951 — *Дьяконов И.М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 257–356; № 3. С. 207–252.
- Есаян 1964 — *Есаян С.А.* Бронзовые браслеты Государственного Музея Армении // Известия АН Арм. ССР. 1964. № 2. С. 83–94 (на арм. яз.).
- Есаян 1972 — *Есаян С.А.* Каталог археологических предметов музея истории города Ереван, III. Ереван, 1972.
- Есаян, Оганесян 1969 — *Есаян С.А., Оганесян Г.А.* Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. Ереван, 1969.
- Есаян, Калантарян 1988 — *Есаян С.А., Калантарян А.А.* Ошакан I: Основные результаты раскопок 1971–1983 гг. Ереван, 1988.
- Кастеллучча, Дан 2016 — *Кастеллучча М., Дан Р.* Колчаны урартского типа // Российская археология. 2016. № 3. С. 73–82.
- Козенкова 2013 — *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир. М.: Таус, 2013.
- Куфтин 1943 — *Куфтин Б.А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Тбилиси, 1943 (Вестник Государственного музея Грузии. Вып. 13-В).
- Макалатия 1949 — *Макалатия С.И.* Раскопки Дванского могильника // Советская археология. 1949. № XI. С. 225–240.
- Мартиросян 1954 — *Мартиросян А.А.* Раскопки в Головино. Ереван, 1954.
- Мартиросян 1964 — *Мартиросян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Медведская 2013 — *Медведская И.Н.* Копьеносец из Сиалка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке // Письменные памятники Востока. 2013. № 2 (вып. 19). С. 192–202.
- Медведская 2018а — *Медведская И.Н.* История Мидийского царства: VII–VI вв. до н.э. СПб.: Евразия, 2018.
- Медведская 2018б — *Медведская И.Н.* Урартская керамика VIII–VII вв. до н.э. и вопрос урартского присутствия в Приурмийском районе Ирана в VII в. до н.э. // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.М. Дьяконова (1915–1999). СПб., 2018. С. 196–213.
- Пиотровский 1950 — *Пиотровский Б.Б.* Кармир-блур I. Ереван, 1950.

- Пиотровский 1952 — *Пиотровский Б.Б.* Кармир-блур II. Ереван, 1952.
- Погребова 1984 — *Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Садыхзаде 1971 — *Садыхзаде Ш.Г.* Древние украшения Азербайджана. Баку, 1971.
- Техов 1977 — *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Трапиш 1962 — *Трапиш М.М.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Каланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962.
- Хачатрян 1963 — *Хачатрян Т.С.* Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.
- Avetisyan, Bobokhyan 2012 — *Avetisyan P., Bobokhyan A.* The Pottery Traditions in Armenia from the Eighth to the Seventh Centuries B.C. // *Kroll S., Gruber C., Hellwag U., Roaf M., Zimansky M.* (eds). *Biainili-Urartu. Acta Iranica.* 2012. Vol. 51. Leuven. P. 373–378.
- Avetisyan et al. 2018 — *Avetisyan P., Dan R., Petrosyan A.* Axes, Labyrinths and Astral Symbols: Bronze Pendants and Pins from the Armenian Highlands // *Ancient West and East.* Leiden, 2018. 17. P. 27–63.
- Basin 2001 — *Basin M.* Gilān, I. Geography and Ethnography // *Encyclopaedia Iranica.* 2001. X. Fasc. 6. New York. P. 618–625.
- Curtis 1984 — *Curtis J.* Nush-i Jan III: The Small Finds. London, 1984.
- Dalley 2006 — *Dalley St.* Background Study concerning Neo-Assyrian Relations with Gilan Province. Report of the Iran Japan Joint Archaeological Expedition to Gilan, Fifth Season // *Iranian Cultural Heritage and Tourism Organization.* Tehran, Middle Eastern Cultural Center in Japan. Tokyo, 2006. P. 175–182.
- Dan et al. 2017 — *Dan R., Divkolaee M.K., Petrosyan A.* Through the Mountains up to the Caspian Sea: Some Remarks on Bronze Pendants from the Gilan Region, Iran // *Iranica Antiqua.* Leiden, 2017. LII. P. 197–204.
- Dyson 1965 — *Dyson R. H.* Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu // *Journal of Near Eastern Studies.* Chicago, 1965. Vol. XXIV. No. 3. P. 193–217.
- Egami et al. 1965 — *Egami N., Fukai S., Masuda S.* Dailaman I. The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan 1965. Tokyo, 1965.
- Fallahian 2018 — *Fallahian Y.* Iron Age of Gilan. [S. l.,] 2018.
- Khanzaq et al. 2001 — *Khanzaq R.B., Biscione R., Hejeberi-Nobari A.R., Salvini M.* Haldi's Garrison — Haldi's Protection. The Newly Found Rock Inscription of Argišti II in Shisheh, near Ahar (East Azerbaijan, Iran) // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici.* 2001. 43/1. P. 25–37.
- Khalatbari 2004a — *Khalatbari M.R.* (ed.). Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-1: Excavations at Toul-e Gilan. General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan. Tehran, 2004.
- Khalatbari 2004b — *Khalatbari M.R.* Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-2: Excavations at Vaske and Mianroud. General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan. Tehran, 2004.
- Kroll 1988 — *Kroll St.* VI. Die klein Funde / W. Kleiss (ed.). Bastam II. Ausgrabungen in den Urartäischen Anlagen 1977–1978. Berlin, 1988.
- Kroll 2014 — *Kroll St.* Notes on the Post-Urartian (Median) Horizon in NW Iran and Armenia // *Özfirat A.* (ed.). *Scripta. Essays in Honour of Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology.* Istanbul, 2014. P. 203–210.
- Maxwell-Hyslop 1971 — *Maxwell-Hyslop K.R.* Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C. London: Methuen & Ltd, 1971.
- Morgan 1889 — *Morgan J. de.* Mission scientifique au Caucase. Tome I. Paris, 1889.
- Morgan 1896 — *Morgan J. de.* Mission scientifique en Perse. Tome IV. Paris, 1896.
- Muscarella 1965 — *Muscarella O.W.* A Fibula from Hasanlu // *American Journal of Archaeology.* 1965. Vol. 69, 3. New York. P. 233–240.
- Muscarella 1966 — *Muscarella O.W.* Hasanlu 1964 // *Bull. Metropolitan Museum of Art,* vol. XXV. 1966. P. 121–135.

- Muscarella 1984 — Muscarella O.W. Fibulae and Chronology, Marlik and Assur // *Journal of Field Archaeology*. 1984. Vol. 11. P. 413–419.
- Negahban 1996 — *Negahban E.O.* Marlik: The Complete Excavation Report. Vol. I–II. Philadelphia, 1996 (University Museum Monographs 87).
- Piller 2010 — *Piller C.K.* Northern Iran in the Iron Age II and III: A Neighbour of Urartu? // *ARAMAZD*. 2010. Vol. V/2. Yerevan. P. 53–75.
- Razmjou 2004 — *Razmjou S.A.* Bronze Bracelet with Urartian Inscription at Toul-e Gilan // *Khalatbari*. 2004. P. 103–107.
- Samadi 1959 — *Samadi H.* Les découvertes fortuites // *Arts Asiatiques*. 1959. Vol. VI (3). P. 175–194.
- Sono, Fukai 1968 — *Sono T., Fukai S.* The Excavation at Hassani Mahale and Ghalekuti, 1964: Dailaman III. Tokyo, 1968.
- Stronach 1959 — *Stronach D.* The Development of the Fibula in the Near East // *Iraq*. 1959. Vol. 21, 2. London. P. 181–206.
- Tiratsyan 2010 — *Tiratsyan N.* An Urartian Jar Burial from Nor Armavir // *ARAMAZD*. 2010. Vol. V/2. P. 134–146.
- Vahdati 2007 — *Vahdati A.* Marlik and Toul-e Talish: A Dating Problem // *Iranica Antiqua*. 2007. XLII. Leiden. P. 125–138.
- Vanden Berghe 1964 — *Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
- Vanden Berghe 1978 — *Vanden Berghe L.* Les fibules provenant des fouilles au Pusht-I Kūh, Luristān // *Iranica Antiqua*. 1978. XIII. Leiden. P. 35–74.
- Xnkikyan 2002 — *Xnkikyan O.S.* Syunik during the Bronze Age and Iron Ages. Barrington, 2002.
- Yengibaryan 2002 — *Yengibaryan N.* The Graves of the Urartian Period of Karchaghbyur // *The North-Eastern Frontier Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin I: the Southern Shores* (eds. R. Biscione, S. Hmaya Kyan, N. Parmegiani). *Documenta Asiana VII*. Rome, 2002. P. 417–455.

References

- Aslanov G.M., Vaidov R.M., Ione G.I. *Drevnii Mingechaur* [Ancient Mingechaur]. Baku, 1959 (in Russian).
- Avetisyan P. and Bobokhyan A. “The Pottery Traditions in Armenia from the Eighth to the Seventh Centuries B.C.” In: Kroll S., Gruber C., Hellwag U., Roaf M., Zimansky M. (eds). *Biainili-Urartu. Acta Iranica*, 2012, vol. 51. Leuven, pp. 373–378 (in English).
- Avetisyan P., Dan R., Petrosyan A. “Axes, Labyrinths and Astral Symbols: Bronze Pendants and Pins from the Armenian Highlands”. *Ancient West and East*, 2018, vol. 17. Leiden, pp. 27–63 (in English).
- Basin M. “Gilān, I. Geography and Ethnography”. *Encyclopaedia Iranica*, 2001, X, fasc. 6, pp. 618–625 (in English).
- Castelluccia M., Dan R. “Kolchany Urartskogo tsarstva” [Quivers of the Urartian Kingdom]. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016, no. 3, pp. 73–82 (in Russian).
- Curtis J. *Nush-i Jan III: The Small Finds*. London, 1984 (in English).
- Dalley St. “Background Study concerning Neo-Assyrian Relations with Gilan Province. Report of the Iran Japan Joint Archaeological Expedition to Gilan, Fifth Season”. In: *Iranian Cultural Heritage and Tourism Organization*. Tehran, Middle Eastern Cultural Center in Japan. Tokyo, 2006, pp. 175–182 (in English).
- Dan R., Divkolaee M.K., Petrosyan A. “Through the Mountains up to the Caspian Sea: Some Remarks on Bronze Pendants from the Gilan Region, Iran”. *Iranica Antiqua*, 2017, vol. LII, Leiden, pp. 197–204 (in English).
- Diakonov I.M. “Assiro-vavilonskie istochniki po istorii Urartu” [Assyrian-Babylonian Texts about the History of Urartu]. *Vestnik Drevnei Istorii*, Moscow, 1951, no. 2–4 (Prilozhenie), (in Russian).

- Dyson R.H. “Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu”. *Journal of Near Eastern Studies*, Chicago, 1965, vol. XXIV, no. 3, pp. 193–217 (in English).
- Egami N., Fukai S., Masuda S. Dailaman I. *The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan* 1965. Tokyo, 1965 (in English).
- Esayan S.A. “Bronzovye braslety gosudarstvennogo Museia Armenii” [Bronze Bracelets from State Museum of Armenia]. *Izvestiia Akademii nauk Armianskoy SSR* [Proceedings of Academy of Sciences of Armenian SSR], 1964, no. 2, pp. 83–94 (in Armenian).
- Esayan S.A., Kalantaryan A.A. *Oshakan I: osnovnye rezul'taty raskopki 1971–1983* [Oshakan I: Primary Results of Excavations 1971–1983]. Yerevan, 1988 (in Russian).
- Esayan S.A., Oganesyanyan G.A. *Katalog archeologicheskikh predmetov Dilizhanskogo Kraevedcheskogo Museia* [Catalogue of Archaeological Objects from Dilizhan Museum of Local Lore]. Yerevan, 1969 (in Russian).
- Esayan S.A. *Katalog archeologicheskikh predmetov Museia istorii goroda Erevan* [Catalogue of Archaeological Objects from Museum of History of Yerevan City], III. Yerevan, 1972 (in Russian).
- Fallahian Y. Iron Age of Gilan. [S. l.,] 2018 (in Persian, abstract in English).
- Harutyunyan N.V. *Korpus urartskikh klinoobraznykh nadpisei* [A Corpus of Urartian Cuneiform Inscriptions]. Erevan, 2001 (in Russian).
- Khachatryan T.S. *Material'naia Kul'tura drevnego Shiraka* [Material Culture of Shirak]. Yerevan, 1963 (in Russian).
- Khalatbari M.R. (ed.). *Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-1: Excavations at Toul-e Gilan*. (General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan). Tehran, 2004 (in English).
- Khalatbari M.R. *Archaeological Investigations in Talesh, Gilan-2: Excavations at Vaske and Mianroud*. (General Office of Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan). Tehran, 2004 (in English).
- Khanzaq R.B., Biscione R., Hejebneri-Nobari A.R., Salvini M. “Haldi’s Garrison — Haldi’s Protection. The Newly Found Rock Inscription of Argišti II in Shisheh, near Ahar (East Azerbaijan, Iran)”. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 2001, vol. 43/1, pp. 25–37 (in English).
- Kozenkova V.I. *Kobanskaia kul'tura i okruzhayshii mir* [Koban Culture and Beyond]. Moscow: Taus, 2013 (in Russian).
- Kroll St. “Notes on the Post-Urartian (Median) Horizon in NW Iran and Armenia”. In: A. Özfirat (ed.). *Scripta. Essays in Honour of Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology*. Istanbul, 2014, pp. 203–210 (in English).
- Kroll St. VI. “Die kleine Funde”. In: Kleiss W. (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den Urartäischen Anlagen 1977–1978*. Berlin, 1988 (in German).
- Kuftin B.A. “Urartskii ‘kolumbarii’ u podoshvy Ararata i Kura-Araksksii eneolit” [An Urartian “Columbarium” near the Foot of Ararat and the Kura-Araxes Eneolithic]. *Vestnik Gosudarstvennogo Muzeia Gruzii*, 1943, vol. XIII-B. Tbilisi, pp. 1–127 (in Russian).
- Makalatija S.I. “Raskopki Dvanskogo mogil'nika” [The Excavations of Dvan Cemetery]. *Sovetskaia Arheologiya*, 1949, vol. XI, pp. 225–240 (in Russian).
- Martirosyan H.A. *Armenia v epohu Bronzy i Rannego Zheleza* [Armenia in Epoch of Bronze and Early Iron Age]. Yerevan, 1964 (in Russian).
- Martirosyan H.A. *Raskopki v Golovino* [The Excavations in Golovino]. Yerevan, 1954 (in Russian).
- Maxwell-Hyslop K.R. *Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C.* London, 1971 (in English).
- Medvedskaya I.N. “Kop'enosets iz Sialka: priamougol'nye shchity na Drevnem Vostoke” [A Shield-bearer from Sialk: Rectangular Shields in the Ancient Near East]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2013, no. 2 (issue 19), pp. 192–202 (in Russian).
- Medvedskaya I.N. “Urartskaya keramika VIII–VII vv. do n.e. i vopros urartskogo prisutstviia v Priurmiiskom raione Irana v VII v. do n.e.” [Urartian Pottery of the 8th–7th Centuries BC and the Problem of Urartian Presence in the Urmia Region in Iran in the 7th Century BC]. In: *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennaia 100-letiu so dnia rozhdeniia I.M. Diakonova*

- [Proceedings of the International Conference Dedicated to the Centenary of I.M. Diakonoff (1915–1999)]. St. Petersburg, 2018, pp. 196–213 (in Russian).
- Medvedskaya I.N. *Istoriia Midiiskogo tsarstva* [The History of the Median Kingdom]. St. Petersburg: Evrasija, 2018 (in Russian).
- Morgan J. de. *Mission scientifique au Caucase*. T. I. Paris, 1889 (in French).
- Morgan J. de. *Mission scientifique en Perse*. T. IV. Paris, 1896 (in French).
- Muscarella Oscar W. “A Fibula from Hasanlu”. *American Journal of Archaeology*, 1965, vol. 69, no. 3, New York, pp. 233–240 (in English).
- Muscarella Oscar W. “Fibulae and Chronology, Marlik and Assur”. *Journal of Field Archaeology*, 1984, vol. 11, pp. 413–419 (in English).
- Muscarella Oscar W. “Hasanlu 1964”. *Bull. Metropolitan Museum of Art*, 1966, vol. XXV, pp. 121–135 (in English).
- Negahban E.O. *Marlik: the Complete Excavation Report*. Philadelphia, 1996, vol. I–II (in English).
- Piller C.K. “Northern Iran in the Iron Age II and III: A Neighbour of Urartu?” *ARAMAZD*, 2010, vol. V/2, Yerevan, pp. 53–75 (in English).
- Piotrovskij B.B. *Karmir-blur I. Rezul'taty raskopok 1939–1949* [Karmir-blur I. Results of Excavations of 1939–1949]. Yerevan, 1950 (in Russian).
- Piotrovskij B.B. *Karmir-blur II. Rezul'taty raskopok 1949–1950* [Karmir-blur II. Results of Excavations of 1949–1950]. Yerevan, 1952 (in Russian).
- Pogrebova M.N. *Zakavkazie i ego svyazi s Perednej Asiej v skifskoj vremja* [Transcaucasia and its Contacts with Western Asia in the Scythian Period]. Moscow, 1984 (in Russian).
- Razmjou S.A. “Bronze Bracelet with Urartian Inscription at Toul-e Gilan”. In: *Khalatbari*. 2004, pp. 103–107 (in English).
- Sadyhzade S.G. *Drevnie ukrasheniia Azerbajdžana* [Ancient Personal Ornaments of Azerbaijan]. Baku, 1971 (in Russian).
- Samadi H. “Les découvertes fortuites”. *Arts Asiatiques*, 1959, vol. VI (3), pp. 175–194 (in French).
- Sono T., Fukai S. *The Excavation at Hassani Mahale and Ghalekuti, 1964: Dailaman III*. Tokyo, 1968 (in English).
- Stronach D. “The Development of the Fibula in the Near East”. *Iraq*, 1959, vol. 21, no. 2. London, pp. 181–206 (in English).
- Tehov B.V. *Central'nyi Kavkaz v XVI–X vv. do n.e.* [Central Caucasus in 16th–10th Centuries BC]. Moscow, 1977 (in Russian).
- Tiratsyan N. “An Urartian Jar Burial from Nor Armavir”. *ARAMAZD*, 2010, vol. V/2, Erevan, pp. 134–146 (in English).
- Trapsh M.M. *Pamiatniki Kolhidskoi i Skifskoi culture v sele Kulanurhva Abkhazskoj ASSR* [Monuments of Kolhid and Scythian Cultures in the Village Kulanurhva, Abkhazian ASSR]. Suhumi: Abgosizdat, 1962 (in Russian).
- Vahdati A. “Marlik and Toul-e Talish: A Dating Problem”. *Iranica Antiqua*, 2007, vol. XLII, pp. 125–138 (in English).
- Vanden Berghe L. “Les fibules provenant des fouilles au Pusht-I Kūh, Luristān”. *Iranica Antiqua*, 1978, XIII, Leiden, pp. 35–74 (in French).
- Vanden Berghe L. *La nécropole de Khürvīn*. Istanbul, 1964 (in French).
- Voronov Y.N. “Kavkazskie dugovidnye fibuly rannezheleznoj epohi” [The Caucasian Fibulae with a Semicircular Bow of the Early Iron Age]. *Kratkie soobsheniia Instituta Arheologii*, 1983, vol. 176, pp. 29–33 (in Russian).
- Xnkikyan O.S. *Syunik During the Bronze Age and Iron Ages*. Barrington, 2002 (in English).
- Yengibaryan N. “The Graves of the Urartian Period of Karchaghbyur”. In: *The North-Eastern Frontier Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin I: the Southern Shores* (eds. R. Biscione, S. Hmaya Kyan, N. Parmegiani). Rome, 2002, pp. 417–455. (Documenta Asiana VII) (in English).

Did the Urartians Reach the Caspian Sea?

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 2 (issue 37), pp. 19–39)

Received 03.12.2018

Inna N. Medvedskaya

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

In the Iranian province of Gilan, items of Urartian weaponry (a quiver and a helmet), a bracelet with the name of the Urartian king Argishti inscribed on it as well as some other objects produced in Transcaucasia (bracelets with snake-heads, hinged fibulae, openwork pendants) have been found. These decorative items may well be evidence of the presence of soldiers from the Transcaucasian domains of the Urartian kingdom in the Urartian army in the 7th century BC. An important proof of the Urartians' reaching southern Gilan and, consequently, approaching the northern borders of the Median kingdom is the sequence of conquests of Median kings. The Urartian kingdom became their first successful conquest, which occurred no later than in the 640s BC.

Key words: Iran, Gilan, Median kingdom, Urartians, fibulae, bracelets, helmets, quiver, pendants.

About the author:

Inna N. Medvedskaya, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS (orinst@mail.ru).